

Бесовщина телевидения

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Мы сейчас работаем над проектом поощрения участников программы, не за то, что они в ней участвовали, а за жизнь в науке. Все приходившие в течение года тайным голосованием выберут одного, а некая организация, которую я пока назвать не могу, наградит его денежной премией, приблизительно равной Нобелевской. Замечу, что я в головах принимать участия не буду.

— Приход нового руководства на канал никак не коснулся вашей программы?

— У нас много организационных проблем, нынешнее руководство достаточно активно их решает. Пока мы встречаем понимание. Что касается прочих моментов, то надо учитывать, что мы ночные люди. Я не был ни на одном собрании, когда уходило старое руководство, ни когда представляли новое.

— То есть кадровые перестановки на вас в отличие, скажем, от Парфенова не произвели никакого впечатления?

— Я бы понял Леонида Парфенова, если бы он пришел на канал. Одна газета высказалась следующим образом: на НТВ пришел внук полиция. Царил бред. Если говорить о демарше коллег, то я их понимаю: они успели поработать с предыдущим начальством, у них возникли хорошие контакты с ним, в том числе и личные. Я тоже хочу воздать должное и Йордану, и Акопову: они никогда не вмешивались в нашу работу. И потом, с их приходом на канал появился корпоративный дух. По Америке я знаю, что это не всегда хорошо, но на русской почве получилось нечто среднее между дрянью корпоративной вечеринки и пьянкой. На прощание Борис устроил званый ужин, это было очень по-русски, никаких ассоциаций с поминками не возникло. Я бы понял Леонида Парфенова, если бы он в программе «Намедни» высказался примерно следующим образом: после событий на Дубровке, освещение которых на нашем канале вызвало возмущение президента Путина, он попросил «Газпром» как главного акционера НТВ навести порядок на канале; подчинившись прямому указанию президента страны, руководство «Газпрома» изменило ситуацию на НТВ; я не могу примириться с торжеством

— Увы, нет. Я говорил, что никакого вмешательства в нашу работу не было, но не далее как сегодня была совершена мягкая, но настойчивая попытка навязать мне кандидатуры для ночного эфира. Это меня впечатлило.

— А если эти попытки будут продолжены, что вы сделаете?

— Буду сопротивляться, как смогу. Я понимаю, что, если сейчас не проявить изобретательности, свешанной с гордостью, это превратится в систему взаимоотношений. Мне очень любопытно, чем это все закончится.

— У вас параллельно с телевидением существуют занятия в области разных искусств, где вы реализуетесь в наиболее полной мере?

— Когда ты честно выполняешь взятые на себя обязательства, у тебя появляется возможность заниматься любовью. Искусство во все времена было любовью и делом досуга.

— Это досужее занятие часто приводит людей и к сумасшествию, и к самоубийству...

— Конечно, человек, имеющий досуг, может с собой. Такая возможности нет у того, кто занят делом.

— Америка опровергает ваше утверждение: доходы несметному количеству психонанного работающие люди.

— Я говорил о русском человеке, в Америке все другое. Психонализ у них игрушечный, они даже кончат с собой как-то игрушечно. Человек выбрасыва-

о робких попытках постановки еще в Шукинском училище спектакля по роману Достоевского «Бесы». Я вдруг почувствовал, что сегодня этот материал может быть переделан таким образом, чтобы я смог сказать о бесовщине телевидения, которая происходит от того, что мы видим друг друга в неестественных обстоятельствах. В театре возможно поставить вопрос: а что если? А что если Ставригин, Верховенский, Шатров, Кириллов, Лебедев и другие персонажи «Бесов» окажутся героями телевизионного шоу вроде «Большой стирки» или «Окон»? Оказывается, что бесовщина не только никуда не делась, она сегодня возведена в степень телевизионным безумием. На телевизионную идею реализовать невозможно, а вот в театре такой шанс есть. Мы начали репетиции в «Школе современной пьесы».

— Разнообразие и активность ваших занятий наводит на мысль: либо это почти возрожденческая личность, либо поверхностный человек, по касательной приобщившийся к разному квалитиву. Как вы себя можете квалифицировать в рамках такой дилеммы?

— Как дилетанта. Мне кажется, это хорошо. Все компенсируется, если у человека одна тема. Тогда не является принципно важным, чем он занимается: делает телевизионную передачу, ставит фильм или спектакль.

— А вы могли бы сформулировать эту тему?

Телевидение — это низкий жанр, оно не способно изменить человека

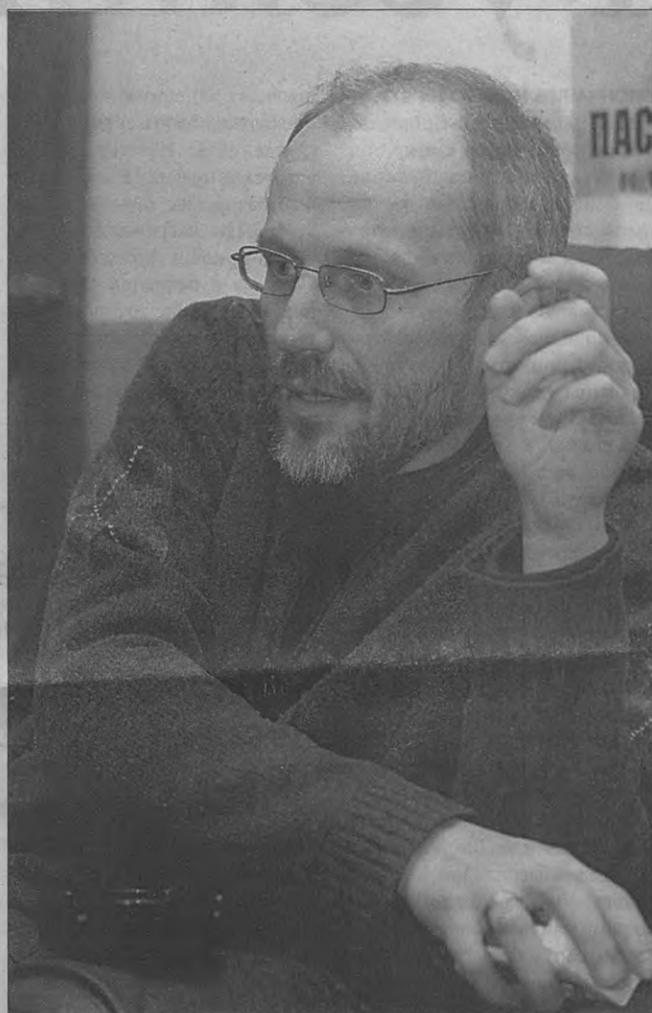
ется из окна не потому, что у него произошёл душевный упадок, а потому, что рынок упал и пропали его деньги. Ну что тут скажешь?

Мне очень трудно сказать, кто я по профессии. Конечно, можно было бы тешить самолюбие и называть себя кинорежиссером на том основании, что я снял фильм (кстати, 28 февраля его в несколько усеченном виде покажут на НТВ), или считать себя театральным деятелем лишь потому, что я репе-

— Нет. Если бы я мог ее сформулировать, зачем мне было заниматься кино и театром? Это не мысль, это тема, она существует на уровне ощущения.

— Похоже, что вы человек, обладающий достаточно высоким уровнем амбициозности и самолюбия. А что вас может обидеть?

— Меня всегда обижает, когда смешивают то, что я делаю, с тем, что я есть. Надо отделять мух от котлет и ругать или хвалить сделанный продукт, а не

«Человек должен быть занят делом».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

— Я думаю, большую роль в недовольстве вами сыграло «Хмурое утро», многими оно воспринималось так: сидит курит, звонящим голосом говорит гадости, а потом вообще начал стричься прямо в студии и т.д.

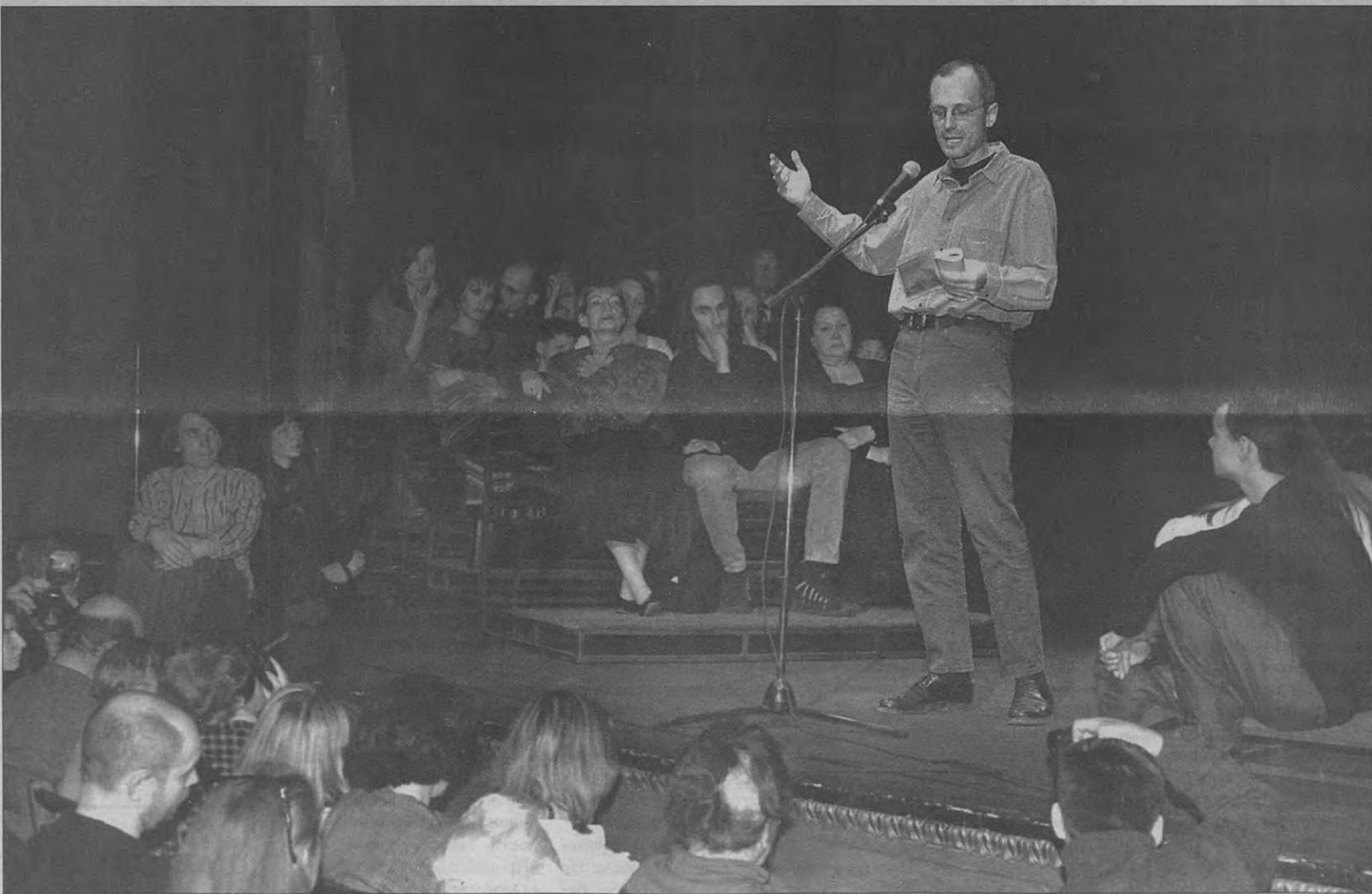
— Да, но зачем это переносить на ночную программу? Ведь это совершенно другая передача. Проклятое телевидение все время требует какого-то определенного имиджа, разным быть нельзя. Я стремлюсь разные проекты реализовывать по-разному.

— Но между реализованным замыслом и его воплощением лежит дистанция огромного размера. Скажем, разве можно было ожидать, что высокопоярная программа станет популярной среди домохозяйек определенного возраста. Моя теща регулярно вас смотрит, правда, пересказать не может ничего, но говорит, что было очень интересно.

— Эту программу я квалифицирую как научно-развлекательную. Она не может изменить

примеру моей тещи, она переполнена эсхатологическими бреднями, так вот, ей удается находить им подтверждение в любой вашей передаче об астрономии или физике, даже если на эту тему там нет ни слова.

— Это и есть свидетельство того, что передача стала развлекательной. Это одна из неожиданностей. Мы задумывали программу для тех, кто не смотрит телевизор, даже им брезгует, а получили широкую аудиторию. Мы были ошарашены, когда получили письмо от работницы Ярославского завода, которая писала, что в силу рабочего графика она не может записывать все передачи, нельзя ли их повторять. Потом оказалось, что 54 процента нашей зрительской аудитории составляют женщины определенного возраста. Вторая неожиданность состоит в следующем. Все передачи посмотрел лишь один человек — это я. Мало того, я к ним готовился. У меня побывало более 500 гос-

«Мне очень трудно сказать, кто я по профессии».

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

телефонного права, поэтому ухожу и т.д. Но зачем обвинять назначенных людей, которые сами попали как куры в ошип: в два часа им сообщили, что в четыре нужно приступать к исполнению обязанностей. Поэтому, если ты честный человек, нужно говорить об истинных причинах сложившейся ситуации.

— Ваша программа застрахована от вмешательства начальства?

тирую спектакль. Но это же смешно. Телевидение я тоже не считаю делом жизни, оно стало для меня адекватной формой зарабатывания денег. Пока это есть — хорошо.

— А что в таком случае дело вашей жизни?

— Не знаю. В каждый данный момент я занимаюсь тем, что меня волнует. Поход в театральные режиссеры связан с тем, что ко мне приехал из Питера мой друг актер Игорь Волков и напомнил

захлебываемся от ненависти: ненавижу, потому что он козел.

— Вполне человеческая реакция: ну не нравишься ты мне!

— Я это принимаю, когда, скажем, Леонид Филатов пишет, как я ему не нравлюсь. Но когда телевизионная критикесса, по ее признанию, давно наблюдающая за моим творчеством, начинает вместо рецензирования передачи говорить обо мне лично, у меня возникает вопрос: что я сделал этой женщине?

уровень образования, но может повысить уровень самооценки. У вашей тещи улучшается самооценка, что в этом плохого?

— Мне кажется, что к самооценке это не имеет никакого отношения. Благодаря вам, многие просто подчасывают самолюбие и повышают уровень неадекватности, обнаруживая именно активное расширение суммы собственных знаний, что есть чистая иллюзия. Еще раз обращаюсь к

тей, практически все разговоры я помню, таково свойство моей памяти. Но я обнаружил, что количество не переходит в качество. Я не стал больше понимать, я не стал ни умнее, ни глупее. Это доказывает высокую бесполезность любого телевизионного шоу. Телевидение — это низкий жанр, оно не способно изменить человека. Высокого удовлетворения, которое дает акт искусства, телевидение не приносит.